
Глава 9

ТРУДНОСТИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Помимо растущего недовольства рабочих, весной и в начале лета 1918 г. над Петроградом продолжала висеть угроза германской оккупации. Реальность этой угрозы усугубляло поведение германских войск, которые 3 марта высадились в Ханко на юго-западной оконечности Финляндии и присоединились к белофиннам, с победами продвигавшимся в восточном направлении. Очень скоро их продвижение стало представлять опасность для кораблей русского Балтийского флота в бухте Гельсингфорса и создало новую внешнюю угрозу для Петрограда — с северо-запада.

Особую обеспокоенность по поводу возможного захвата немцами Балтийского флота проявляли британцы. Британскому морскому атташе в Петрограде, капитану Фрэнсису Кроуми, было поручено, помимо эвакуации из Петрограда драгоценных металлов и военного имущества союзников, заняться приготовлениями к затоплению собственной подводной флотилии, курсировавшей в заливе, и сделать все возможное, чтобы не допустить попадания русского флота в руки противника. В конце января он обсуждал с руководством Центрального комитета Балтийского флота возможность финансирования его британским правительством, что явилось бы гарантией сохранения союзнического контроля над ним (1). Мирные переговоры в Брест-Литовске сделали эту инициативу бессмысленной. Во второй половине февраля, когда казалось, что германской оккупации Петрограда не избежать, Кроуми строил планы уничтожения Балтийского флота при содействии его главнокомандующего, адмирала Александра Розвозова (2). Однако в марте Розвозов, стоявший за полную автономию флота в боевых операциях (3), был отстранен от командования за отказ присягнуть на верность Советской власти. В конечном итоге, флот был спасен от немцев благодаря героизму

капитана первого ранга Алексея Щастного, сменившего Розвозова на его посту.

В своей другой работе я подробно описал подвиг Щастного и его трагическую судьбу (4). Впервые он привлек к себе внимание в конце февраля 1918 г., когда возглавил переход шестидесяти двух кораблей из Ревеля (Таллинна) через замерзшие воды Финского залива в Гельсингфорс, главную морскую базу Балтийского флота, чтобы уберечь их от стремительно наступавших через Эстонию немецких войск. Однако этот его подвиг меркнет перед тем, что он совершил позже, во второй половине марта — апреле, когда оккупация Гельсингфорса немцами и белофиннами грозила потерей большей части Балтийского флота. Согласно статье VI Брестского договора, Советское правительство было обязано немедленно очистить территорию Финляндии и Аланских островов от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и русских военно-морских сил (5). 20 марта Морской генеральный штаб издал распоряжение перевести из Гельсингфорса в Кронштадт столько судов, сколько сумеют пробиться через толстые льды залива, а остальной флот подготовить к уничтожению. Как ни противился в душе Щастный последнему распоряжению, оно было добросовестно выполнено (6). Три недели спустя германское правительство дало Совнаркому срок до 12 апреля, чтобы выполнить свои обязательства в отношении Балтийского флота. Наркомат по морским делам во главе с Троцким приказал Щастному снять вооружение со всех кораблей флота, на 11 апреля остающихся в Гельсингфорсе. Одновременно ему было предписано продолжить работу по перемещению как можно большего количества судов в Кронштадт (7). Тем временем капитан Кроуми, лишившийся всякой надежды на спасение его любимой подводной флотилии, оказавшейся запертой в Финском заливе немцами, отдал приказ о затоплении британских подлодок (8).

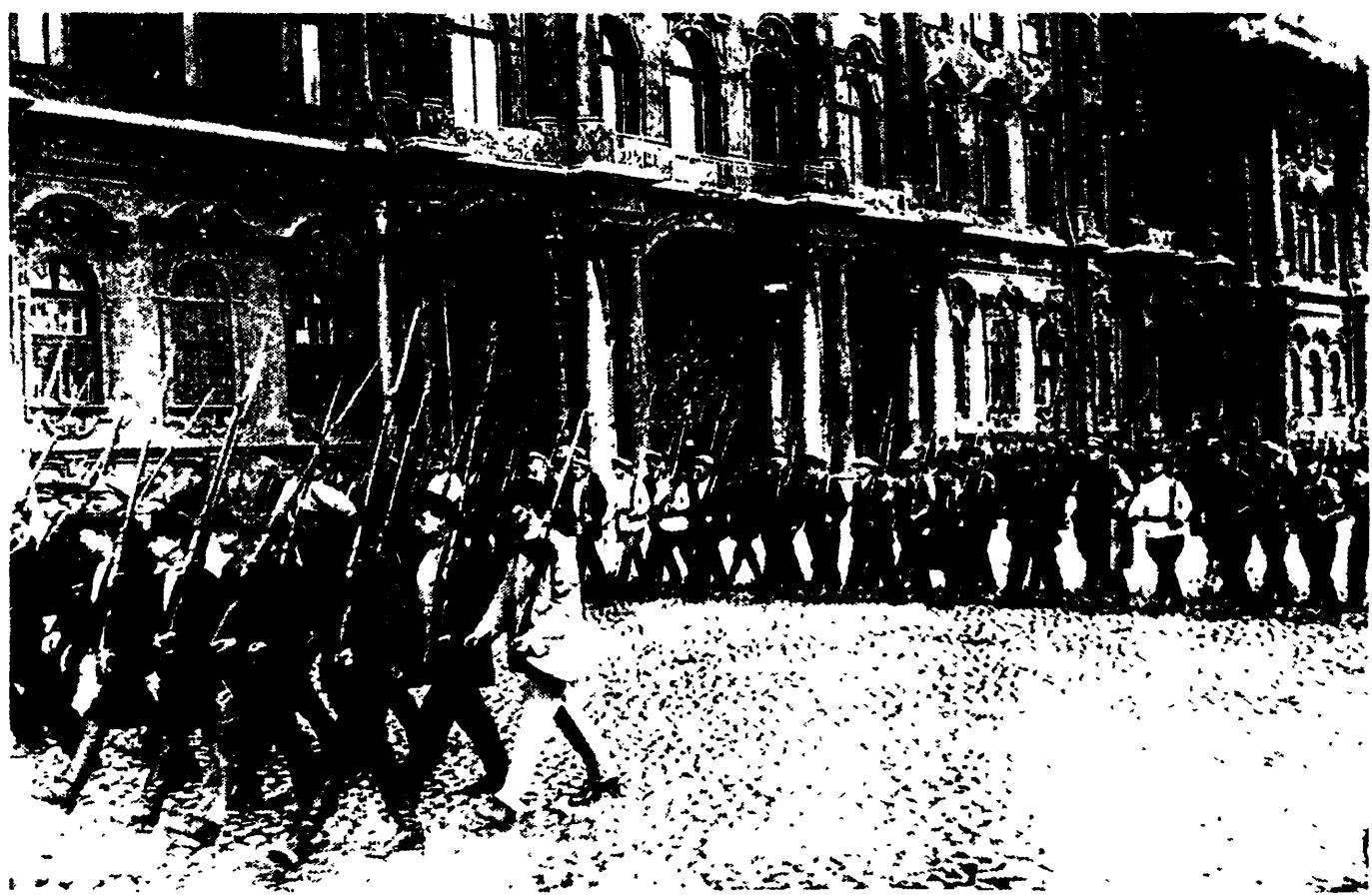
В период между 12 марта и 11 апреля, когда немцы и белофины заняли Гельсингфорс, Щастный организовал отправку в Кронштадт трех конвоев судов, в том числе крупнейших дредноутов флота. Корабли могли двигаться только днем, а наутро ледоколам приходилось высвобождать их из намерзшего за ночь льда. Этот беспрецедентный переход, вошедший в историю как «Ледовый поход» Бал-

тийского флота, впоследствии несколько замедлился из-за резкого сокращения экипажей судов в связи с демобилизацией и кадровыми перемещениями, а также из-за необходимости двигаться по узким каналам вблизи береговой линии, что делало конвой уязвимым перед огнем финских береговых батарей. Тем не менее, к концу апреля основная часть флота — более двухсот судов — благополучно прибыла в Кронштадт (9). Большинство из них встали здесь же на якорь; некоторые разместились в устье Невы, вне черты Петрограда, а другие, включая суда крупной Минной дивизии, с разрешения Троцкого, поднялись, преодолевая мосты, по Неве в самое сердце бывшей столицы и остались там в ожидании дальнейшего перемещения в Ладожское озеро (10). После этого виртуозного перехода русская публика окрестила Щастного «Адмиралом», хотя он продолжал оставаться лишь капитаном первого ранга. Он превратился в народного героя, уважаемого рядовыми матросами не меньше, чем офицерами.

«Ледовый поход», при всей его сенсационности, не ослабил военную угрозу, нависшую над Балтийским флотом, Кронштадтом и Петроградом. Германский флот контролировал Финский пролив, который быстро освобождался ото льда и становился полностью навигационным. Еще более тревожным признаком было то, что действия германских и финских войск в отношении России становились все более агрессивными. Самым важным и показательным эпизодом в цепи вражеских акций на Балтике в этот период был эпизод, связанный с фортом Ино. Расположенный на финском побережье к северо-западу от Петрограда, форт Ино был выстроен незадолго до Первой мировой войны как часть системы фортификационных укреплений, призванных обеспечить оборону Петрограда. Весной 1918 г. контроль Германии над Финским заливом, оккупация ею Эстонии и преобладание в Финляндии создали реальную угрозу для этих русских укреплений. К двадцатым числам апреля прибрежная территория, примыкающая к форту Ино, была занята белофинскими войсками, и 24 апреля финны, действующие под контролем германских офицеров, потребовали его сдачи (11).

Еще до получения этого требования, когда угроза со стороны Финляндии только стала очевидна, СК ПТК с огромным рвением взялся за осуществление декрета ВЦИКа об обязательной военной под-

готовке для всех граждан из незэксплуататорских классов (декрет СК ПТК распространялся только на рабочих, в то время как декрет ВЦИК подразумевал рабочих и крестьян). Кроме того, районные Советы и фабзавкомы получили задание обеспечить призыв своих лучших кадров в Красную армию, хотя бы на временной основе (12). 25 апреля, после получения требования о сдаче, СК ПТК заявил о необходимости «во что бы то ни стало удержать форт Ино» (13). Исполком Петроградского Совета немедленно потребовал от районных Советов и профсоюзов мобилизовать боеспособных рабочих в возрасте от 18 до 40 лет, а военный отдел Петросовета и исполком Петроградского губернского Совета привели в боевую готовность все имеющиеся в их распоряжении силы. Затем Кронштадтский Совет объявил «мирную передышку» в войне с Германией оконченной и приказал военным организовать оборону Ино с моря и с суши. Одобряя эту директиву, Щастный заявил: «Форт Ино не может быть оставлен и его надлежит защищать всеми средствами от всяких нападений» (14).

Петроградские рабочие обучаются военному делу на Дворцовой площади. Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург

Следует отметить, что ни на одном из заседаний ПК большевиков, состоявшихся 26 и 30 апреля, 3, 5, 7 и 10 мая, форт Ино даже не был упомянут (15). Верный своей обычной практике, главный орган петроградских большевиков предпочел предоставить принятие решений по такому жизненно важному вопросу советским властям — несмотря на принятый принцип партийного контроля за деятельностью государственных органов. Тем не менее, 26 апреля «Петроградская правда», отражая произошедший существенный сдвиг в позиции большевистского большинства в Петросовете, объявила, что брестская «передышка» близится к концу, что Советское правительство не может больше делать уступок Германии и что очень скоро Петрограду предстоит решающая борьба за выживание (16).

Если в Петрограде советское руководство (не говоря уже о Щастном и его коллегах из командования Балтийского флота) было решительно настроено защищать форт Ино, даже ценой разрыва Брестского договора, в Москве Ленин и Троцкий смотрели на ситуацию по-другому. Берлин и так, без всякой связи с Ино, забросал их нотами и ультиматумами относительно выполнения Советской Россией условий Брестского договора. В то же время, советская морская разведка сообщала о массовых скоплениях германских войск на новых, сократившихся, границах России, о частых случаях нарушения ими этих границ, а также захвата и затопления российских судов. Учитывая, что формирование Красной армии находилось пока на очень ранней стадии, Ленин и Троцкий, по-видимому, понимали, что для продления хрупкого мира с Германией без новых уступок не обойтись. И их, скорее всего, совершенно не устраивало, чтобы ситуация, сложившаяся вокруг форта Ино, привела к возобновлению полномасштабной войны. Эта разница во взглядах руководства в Петрограде и Москве остро проявилась во время напряженных переговоров, состоявшихся между Щастным, Троцким и Высшим военным советом в Москве 25 апреля.

В отличие от Петроградского бюро ЦК и Петербургского комитета, ЦК большевиков к этому времени уже активно участвовал в процессе выработки и принятия государственных решений. Поздно вечером 6 мая ЦК собрался на экстренное заседание, чтобы рассмотреть важнейшие внешнеполитические вопросы, в том числе требования немцев о сдаче форта Ино, нарастание союзнической интер-

венции в Мурманске и Архангельске и угрозы британцев поддержать японское проникновение на Дальнем Востоке (17). Была принята предложенная Лениным резолюция, предписывавшая «немецкому ультиматуму уступить». В рукописной пометке к этому пункту резолюции Ленин добавил: «Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности» (18). Это было еще одно подтверждение ленинской уверенности в том, что Петроград был обречен.

Несмотря на строгую секретность, сопровождавшую обсуждение этих вопросов в ЦК, немногие еще продолжавшие выходить в Москве и Петрограде небольшевистские газеты были полны сенсационных сообщений о новых требованиях германского правительства и о скорой германской оккупации обеих российских столиц (19). Примерно в это же время в Петрограде получили хождение копии писем, якобы написанных представителями германского руководства и подтверждавших широко распространенное убеждение, что советская политика на Балтике диктуется немецким Генеральным штабом в соответствии с секретными статьями Брестского договора (20). Соединение слухов о скором германском наступлении и о несамостоятельности Советского правительства вызвали такое волнение, что большевистское руководство Петрограда было вынуждено опубликовать заявление о том, что все подобные разговоры являются полной выдумкой (21).

Заявление не помогло. Даже Стасова настолько была обеспокоена слухами о скорой оккупации Петрограда, что попыталась переправить партийный печатный станок в Екатеринбург. В свою очередь, капитан Кроуми резко активизировал свои усилия по предотвращению захвата Балтийского флота немцами. Среди его планов, в разное время, фигурировали такие варианты, как затопление на подступах к Кронштадту британских пароходов, уничтожение флота взрывом и обширная программа компенсаций, выплачиваемых британским правительством российским морским офицерам в возмещение утративших боеспособность судов. Также предусматривалось, что российские сообщники Кроуми получат убежище в Великобритании (22). Начиная с середины мая, британское Министерство иностранных дел и Адмиралтейство уделяли самое серьезное внимание перераспределению своих финансовых средств в России, чтобы

обеспечить быструю реализацию того или иного варианта планов Кроуми (23). Сам Кроуми отлично осознавал, в какую опасную игру он ввязался и что, скорее всего, в результате ему придется бежать из России (24). Хотя на протяжении большей части мая он противился союзнической интервенции в Россию и даже пытался сотрудничать с Троцким, усилия, предпринимаемые им для уничтожения, в определенный момент, Балтийского флота, вынуждали его также искать пособничества антисоветских элементов в России. Это и привело его в итоге к совершению тех действий, которые он предпринял летом и которые были нацелены на свержение власти большевиков (25).

Растущее беспокойство по поводу намерений немцев и финнов, как и по поводу германо-советских отношений вообще, стало причиной срочного совещания гражданского руководства Петрограда с представителями верхушки военных комиссаров и военспецов 9 мая (26). Спецы представили тревожные данные о наращивании немецкой военной мощи на границах Петроградской губернии и, вследствие этого, о необходимости срочно мобилизовать все население «защищать Отечество... а не Советскую власть». Некоторые из присутствовавших на совещании лидеров петроградских большевиков расценили национал-патриотический энтузиазм спецов, отдельные представители которых находились в контакте с Кроуми, как «предательство». Тем не менее, Зиновьев заявил, что «все надо бросить на чашу весов» для обороны города. Одновременно он дал понять, что окончательное решение по поводу того, защищать или не защищать Петроград, еще не принято. Его неопределенность явились следствием разногласий по этому вопросу между петроградскими лидерами, твердо стоявшими за оборону своего города, и представителями центральной власти в Москве, такими как Ленин и Троцкий, для которых Петроград (не говоря уже о Балтийском флоте) имел второстепенное значение. В конечном итоге, из-за столь полярных позиций двух сторон совещание 9 мая так и не пришло к соглашению по поводу мер, которые следует предпринять для обороны города.

Твердое намерение Ленина и Троцкого избежать возобновления войны с Герmaniей в мае 1918 г. проистекало не только из их убежденности, что оборона Петрограда бессмысленна. Весомым фактором также было то, что как раз в этот момент в России начинала разгораться гражданская война. 6 мая казаки генерала Краснова

отвоевали назад Новочеркасск, свою столицу, и очень скоро вся Область войска Донского вновь стала очагом активного сопротивления Советской власти. На Кубани в это же время набирала силу Добровольческая армия генералов Деникина и Алексеева (Корнилов был убит в апреле шальным артиллерийским снарядом). Однако самую непосредственную угрозу в тот момент представлял мятеж мощного Чехословацкого корпуса.

Чехословацкий корпус состоял из более чем сорока тысяч хорошо вооруженных, дисциплинированных и преданных идеи создания после войны независимой Чехословацкой республики чехов и словаков, многие из которых побывали в плену или дезертировали из австро-венгерской армии. Сформированный в 1916 году, чтобы воевать вместе с русскими войсками на Восточном фронте, в марте 1916 г. корпус, с одобрения Советского правительства, погрузился в Курске в эшелоны, чтобы пересечь Сибирь и из Владивостока морским путем эвакуироваться во Францию, где сражались другие чехословацкие части. Во второй половине мая — начале июня 1918 г., когда поезда с военнослужащими корпуса растянулись по Транссибирской магистрали на 4000 км, от Самары до Иркутска, череда катастрофических недоразумений, ошибок и несчастных случаев привела к восстанию корпуса, захвату им крупных городов и железнодорожных станций, расположенных вдоль магистрали, и участию в антисоветских движениях на этой огромной территории.

Это начало масштабной гражданской войны в России совпало с переходом в критическую стадию скрытого конфликта между Щастным и Троцким, начало которому было положено на их встрече в Москве 25 апреля. В первые недели мая раздражение, которое испытывал Троцкий по отношению к Щастному, еще более усилилось. Причин тому (точнее, причин в трактовке Троцкого) было несколько, самыми важными из которых были неудача Щастного с перевodom Минной дивизии в Ладожское озеро; его стойкое нежелание готовить флот и военно-морские сооружения к уничтожению; и, возможно, особенно — попытки дискредитации его, Троцкого, путем разглашения подчиненным его секретных приказов об уничтожении Балтийского флота. Данные из архивов ВЧК и ВМФ свидетельствуют, что все эти обвинения в адрес Щастного были большей частью или полностью беспочвенны. Особенно это касалось двух послед-

них: на самом деле, флот к уничтожению, в случае необходимости, Щастный приготовил, а разглашение им приказов Троцкого было не столько проявлением стремления подорвать авторитет Троцкого, сколько показателем его тесного сотрудничества с офицерскими и матросскими комитетами Балтийского флота. Как бы то ни было, 22 мая Щастный, разочарованный политикой Троцкого и отсутствием доверия к себе, подал в отставку. Троцкий отставку не принял и вызвал Щастного в Москву. Там он спровоцировал его арест, самостоятельно организовал расследование, фиктивный судебный процесс и смертный приговор по ложному обвинению в попытке свержения Петроградской коммуны и, впоследствии, борьбы против Советской республики (27).

* * *

Недоверие к спецам-командирам в революционном Петрограде было настолько велико, что нередки были случаи их ареста и избиения без всякой причины (28). Щастный в этом смысле был примечательным исключением. Весть о его аресте была встречена на Балтийском флоте грозным шквалом протesta, а его казнь, состоявшаяся в ночь на 22 июня, превратила шквал в бурю. Это недовольство стало одной из главных причин выступления против Советской власти в Петрограде в конце июня. Кроме народного недоводования по поводу судьбы Щастного, в основе этого неудавшегося мятежа лежали еще две причины. Первая состояла в растущем беспокойстве со стороны части флота по поводу агрессивных действий немцев на Балтике и пассивной реакции на них советского командования. О масштабе этого беспокойства можно было судить уже по первым заседаниям Третьего съезда делегатов Балтийского флота, проходившего 29 апреля — 24 мая 1918 г. Несмотря на преимущественно большевистский состав, делегаты съезда отвергли телеграфное приветствие Троцкого и настойчиво потребовали, чтобы он прибыл лично и объяснил им позицию правительства по поводу будущего флота. Не менее показательной была овация, устроенная съездом Щастному, когда он вышел на трибуну заявить, что для центрального правительства настал момент подняться на борьбу с немцами (29).

Пару недель спустя еще более непосредственный вызов был брошен гражданскому руководству Петрограда офицерами и моряками мощной Минной дивизии, пришедшей «Ледовым походом» из Гельсингфорса и до сих пор стоявшей на якоре вдоль русла Невы в самом центре города (30). Узнав о предпринимаемых Троцким чрезвычайных усилиях по обеспечению в нужный момент взрыва флота, они приняли 11 мая резолюцию, в которой потребовали распуска Петроградской коммуны и установления диктатуры Балтийского флота, бравшего на себя ответственность за осуществление обороны и управления в Петроградском регионе (31). Несмотря на безнадежную наивность этого требования, наделавшего немало шума, оно было продиктовано искренним стремлением моряков-минеров найти выход из ситуации, созданной нежеланием большевистского правительства выступить против немцев. На заседании корабельных комитетов дивизии на следующий день два стойких противника большевиков, помогавшие организовать митинг протesta моряков накануне, офицеры Феодосий Засимук и Григорий Лисаневич, вступили в острую схватку с Луначарским и Федором Раскольниковым по поводу военной и внешней политики правительства. Собрание радостными криками поддержало Засимука и Лисаневича и освистало Луначарского и Раскольникова. Хотя ничего конкретного моряки не предприняли, враждебность Минной дивизии по отношению к существующей Советской власти, отразившаяся в ее более раннем требовании распуска Петроградской коммуны, невольно настроила против нее большинство делегатов Третьего съезда Балтийского флота. При всей озабоченности делегатов дальнейшей судьбой флота, они остались верны Советской власти. 13 мая они выступили с осуждением антиправительственной позиции минеров, обвинили их в «преступной агитации» и постановили уволить из флота Лисаневича и Засимука (32). Однако экипажи кораблей, где служили последние, вопреки ожиданиям делегатов съезда, отказались выдать их властям, а советские власти, в свою очередь, не решились настаивать на этом. К тому же, последующие события, такие как взрыв форта Ино 14 мая, ошибочно воспринятый как подтверждение версии о зависимости большевиков от воли немцев, укрепили их позицию еще больше (33).

25 мая общее собрание делегатов от Минной дивизии приняло решение защищать Лисаневича и Засимука, используя для этого

«в полной мере все доступные... средства». На этом собрании была также принята резолюция, выражающая поддержку Советской власти как воплощению народовластия, но осуждающая существующее, преимущественно большевистское, репрессивное правительство как контрреволюционное и несущее гибель Отечеству (34). Собравшись два дня спустя (27 мая), делегаты вновь продемонстрировали независимость, отказавшись признать полномочия ставленника Троцкого Ивана Флеровского, назначенного им главным комиссаром Балтийского флота. Арест Троцким Щастного, случившийся в тот же день, еще больше разозлил моряков Минной дивизии.

Второй составляющей мятежа против Советской власти, вспыхнувшего в Петрограде в конце июня 1918 г. стали рабочие Обуховского завода, в свое время принимавшие участие в манифестациях в защиту Учредительного собрания 28 ноября и 5 января. Позже представители завода играли заметную роль в Собрании уполномоченных. Один из крупнейших в России производителей артиллерийских орудий, снарядов, а также железа и стали для военных нужд, Обуховский завод тяжело переживал внезапное прекращение военных заказов, последовавшее за объявлением в декабре 1917 г. демобилизации. Топливный кризис свел на нет усилия руководства завода по переводу его производства на выпуск мирной продукции, и вскоре завод был закрыт, а его 14,5 тысяч рабочих остались без работы. Те, кто мог, тогда покинули Петроград, присоединившись к растущему потоку беженцев. Весной 1918 г. заводу удалось получить необходимое количество топлива и заказов, чтобы возобновить производство и вернуть на работу около четырех тысяч рабочих (35).

Частичное возобновление работы завода совпало с углублением продовольственного кризиса и резким ростом недовольства рабочих, нашедшими отражение в создании Собрания уполномоченных. Начиная с апреля, работа завода то и дело прерывалась митингами протesta против ухудшающейся продовольственной ситуации. Как и рабочим других промышленных предприятий Петрограда, обуховцам не хватило энтузиазма, чтобы выйти на манифестацию 1 мая. Но уже 8 мая ситуация на заводе стала приближаться к критической. В тот день заводской комитет партии большевиков под давлением рабочих попытался добиться увеличения дневной хлебной нормы для работающих, к тому времени сократившейся до 1/8 фунта (36).

Вечером на массовом митинге, собравшем три тысячи рабочих завода, эсеры и меньшевики обрушились с критикой на правительство большевиков, доведшее ситуацию с продовольствием до степени чрезвычайности. Принятая на митинге резолюция содержала требования увеличения нормы хлеба и других продуктов до размеров, соответствующих потребностям рабочих, немедленного созыва Учредительного собрания и окончания гражданской войны (37). Следующая резолюция, принятая на митинге 12 апреля, облекла требование хлеба в форму ультиматума: либо правительство коммуны увеличит продовольственные поставки до нужного уровня, либо рабочие восстанут. Разжиганию антиправительственных настроений на этом митинге способствовали сообщения о кровавых столкновениях на почве нехватки хлеба в Колпино (38). Делегация обуховцев была послана на Путиловский завод, где также было велико недовольство продовольственной ситуацией, чтобы узнать, что думают пущиловские рабочие по поводу совместного антиправительственного выступления (39). В конце мая петроградские власти попытались охладить пыл обуховских рабочих, закрыв завод на несколько дней, но безрезультатно. В то же время технические трудности помешали осуществить переброску Минной дивизии в Ладожское озеро (40). Поскольку суда дивизии стояли на якоре напротив Обуховского завода, недовольные моряки и раздраженные рабочие в течение второй половины мая и в июне постоянно пересекались и на общих массовых митингах обсуждали план совместной политической акции. Таким образом, две главных составляющих неудавшегося мятежа, вспыхнувшего в Петрограде 22 июня, соединились. 16 июня, на следующий день после объявления выборов в Петроградский Совет, на Обуховском заводе состоялся особенно жаркий митинг, на котором было решено использовать выборы для превращения Советов в инструмент агитации за возвращение всеобщего избирательного права и созыв нового Учредительного собрания. Кроме того, рабочие обратились к Собранию уполномоченных с призывом начать борьбу за власть и к морякам Минной дивизии — присоединиться к этой борьбе (41).

На митинге 16 июня было также решено направить делегацию к Зиновьеву с требованием расширить, до созыва Учредительного собрания, состав правительства за счет включения в него представи-

телей всех левых партий. Это требование, естественно, было отвергнуто — на том основании, что предстоящие выборы в Совет должны послужить своего рода референдумом для выявления народной воли. Тем не менее, под давлением обуховской делегации Зиновьев согласился выступить перед рабочими завода на массовом митинге 20 июня. На этом митинге его речь и речь Луначарского буквально потонули в гневных выкриках сотен рабочих. Луначарский даже не сумел закончить свое выступление. Он уехал задолго до окончания митинга, принявшего еще одну резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания (42).

Пока на митинге обуховских рабочих кипели страсти, в Невском районе, неподалеку от Обуховского завода, был убит Володарский (43). В результате тщательного, подомного, прочесывания близлежащих окрестностей были задержаны 15 человек. После допроса всех, кроме троих, отпустили. Под арестом остались эсеры Григорий Еремеев и два его товарища. Григорий Еремеев, как и его брат Алексей, был одним из самых популярных рабочих лидеров Обуховского завода и, самое главное, не имел никакого отношения к убийству Володарского. Документы ПЧК дают основание считать, что советские власти воспользовались поиском убийцы, чтобы арестовать его и других зачинщиков беспорядков на Обуховском, а затем заставить ПЧК удержать их под стражей (44).

На следующий день, 21 июня, рабочие Обуховского завода объявили «итальянскую забастовку» (45), то есть, выгнали руководство и взяли завод под свой контроль до освобождения Еремеева. 22 июня на очередном митинге рабочих завода было решено потребовать от Собрания уполномоченных объявить 25 июня на всех заводах и фабриках Петрограда политические стачки в знак протеста против политических репрессий в отношении рабочих. Дополнительно было решено: продолжить «оккупацию» завода до тех пор, пока Еремеев не будет выпущен на свободу; послать совместную делегацию рабочих и моряков-минеров в Смольный с ультиматумом об освобождении Еремеева к 22 часам текущего дня; собраться вновь в это время, чтобы принять более решительные меры против правительства в случае, если Еремеева не отпустят (46). Тем временем, весть о казни Щастного в Москве привела моряков Минной дивизии в еще большее негодование. Лисаневич, командир эсминца «Капитан Изиль-

мельев», в знак откровенной солидарности с бастующими обуховскими рабочими, велел пришвартовать свой корабль у самого завода.

Возглавляемое Зиновьевым петроградское руководство оказалось 21–22 июня между двух огней. С одной стороны были рабочие и матросы (в лице обуховцев и минеров), возмущенные нехваткой продовольствия, репрессиями против рабочих, робостью Советского правительства перед Германией, и готовые к решительной схватке с властями. А с другой — горячие советские головы, жаждущие мести за убийство своего прославленного героя — Володарского. В этих обстоятельствах в отношении последних Зиновьев, под давлением Урицкого, применил сдерживающую тактику (47). Что же касается первых, то, взвесив все обстоятельства, он решил действовать жестко. Так, для начала он отправил делегацию рабочих и матросов, пришедшую к нему требовать освобождения Еремеева, на Гороховую, 2, к Урицкому, с обещанием, что тот все организует. Одновременно он послал эмиссара на Путиловский завод узнать, собираются ли путинцы поддержать бастующих обуховских рабочих. Выяснилось, что убийство Володарского произвело на рабочих там сильное впечатление и, пусть на время, приглушило антисоветские настроения. Когда стало ясно, что другие предприятия обуховцев не поддержат, руководить подавлением их выступления было поручено созданной внутри правительства тройке. Тройка распорядилась Обуховский завод закрыть, а на следующий день, 23 июня, в окрестностях завода было введено военное положение, местные лидеры эсеров арестованы, эсеровский клуб закрыт, как и штаб-квартиры партии эсеров в Невском и Обуховском районах (48).

Состоявшиеся 22 июня похороны Володарского усилиями большевиков и левых эсеров были превращены в массовую демонстрацию поддержки Советской власти. В этой обстановке симпатии масс оказались не на стороне восставших моряков Минной дивизии, и их выступление удалось легко подавить. Для этой цели были привлечены около пятисот кронштадтских матросов, принимавших участие в похоронах (49). Как и в случае с рабочими-путинцами, убийство Володарского заглушило негодование матросов, вызванное расстрелом Щастного, и помогло повернуть их против минеров. Газета Горького «Новая жизнь», до этого стойко поддерживавшая политический протест рабочих, точно уловила этот поворот в на-

строениях масс. В редакционной статье 23 июня газета выразила сожаление в связи с утратой Володарского, «неутомимого агитатора... социалиста-вождя, отдавшего свою душу рабочему классу», и, назвав его убийство «безумием», пожелала, чтобы его смерть не повлекла за собой цепь кровопролитий (50).

В помощь кронштадтцам были даны три канонерки. Когда «Капитан Изыльметьев» попытался сняться с якоря и уйти, они преградили ему путь. После недолгих переговоров экипаж судна был разоружен, а несколько офицеров и матросов арестованы; Лисаневичу удалось ускользнуть. Три других эсминца, снявшись с якоря, поднялись вверх по течению и приготовились к бою. Однако их экипажи также удалось уговорить сдаться без кровопролития, после чего некоторые офицеры и матросы были арестованы (правда, Засимук, как и Лисаневич, сумел скрыться) (51). В последующие дни минеров постигла судьба обуховских рабочих. Флеровский устроил тщательную чистку рядов дивизии, арестовав всех, кого сумел, из тех, кто так или иначе участвовал в организации беспорядков.

* * *

8–10 июня петроградские большевики собрались на свою Шестую ежеквартальную городскую конференцию. Открывая форум, Зиновьев дал положительную оценку результатам подписания Брестского договора. Однако он не пытался скрыть ни тяжелого международного положения, в котором оказалась Советская Россия, ни негативного влияния продовольственных трудностей на петроградских рабочих, ни катастрофического состояния партийных организаций на местах. Численность петроградских большевиков упала с 36 тыс. чел. в феврале 1918 г. до 13 472 чел. в июне (52), при этом значительное, в процентном отношении, количество их было занято на государственной и военной работе и полностью утратило связь со своей партийной организацией. Ситуация осложнялась тем, что среди новичков, недавно пришедших в организацию, были, по оценке Зиновьева, «сотни и тысячи жуликов». Последовавшая за докладом Зиновьева дискуссия о различных аспектах состояния партии подтвердила эту мрачную картину. На фоне недавнего указания ЦК

о необходимости положить конец конфликту между партийными комитетами и партийными фракциями в Советах и усилить партийную работу и дисциплину на местах, эти реалии подтолкнули делегатов принять серьезные меры по перестройке районных партийных комитетов и заводских организаций, а также признать усиление партийной работы на местах первоочередной задачей всех большевиков, вне зависимости от занимаемых постов (53).

В это время снизу все настойчивее раздавались требования перевыборов Петроградского Совета (54). И хотя делегаты большевистской конференции, похоже, дружно согласились, что выборы следует отложить до тех пор, пока продовольственный кризис не ослабеет, несколькими днями позже (13 июня) руководство Петросовета объявило о том, что перевыборы будут проведены в семидневный срок, начиная с 17 июня (55). На этот шаг его подтолкнули, помимо давления снизу, еще ряд факторов, такие как решение ВЦИКа в Москве созвать в ближайшее время Всероссийский съезд Советов и инициировать чистку Советов от умеренных социалистов, а также желание дать отпор Собранию уполномоченных, присвоившему себе право представлять интересы рабочих, и успех большевиков в районных беспартийных рабочих конференциях. (Последнее обеспечивало механизм, помогающий компенсировать эlectorальную слабость правящих партий на предприятиях.)

Новые правила организации выборов были утверждены на пленуме Петросовета 15 июня (57). Возможно, главное отличие состава нового Совета от предыдущего состояло в численном преимуществе, которое получали при выборах организации, где преобладали большевики: Петроградский Совет профсоюзов, отдельные профсоюзы, фабзавкомы закрытых предприятий, районные Советы и районные беспартийные рабочие конференции (58). Левые эсеры потребовали сократить представительство профсоюзов в Совете и убрать из него представителей беспартийных рабочих конференций, но безрезультатно (59).

Иллюстрацией преимущества, которым, по новым правилам, обладали большевики, может служить избирательная квота, выделенная беспартийной рабочей конференции Первого городского района. Собравшись накоротке 22 июня, конференция большинством голосов, образованным объединенными силами большевиков

и левых эсеров, вместо пропорциональной системы представительства в Совете приняла принцип «победитель получает все». В результате все 28 кандидатов, избранных конференцией в Петроградский Совет, оказались либо большевиками, либо левыми эсерами. Значительное (27%) меньшевистско-эсеровское меньшинство осталось вовсе без представительства (60). Аналогичная процедура и с теми же результатами была совершена в Нарвском районе (61). Вообще, судя по соответствующим архивным документам, подобные вещи имели место в *большинстве* районных рабочих конференций и в *большинстве* районных Советов. Представителями от районных Советов были либо два большевика и один левый эсер, либо три большевика. Наконец, красноармейские подразделения, из которых меньшевики и эсеры были, по сути, исключены, получили равную с рабочими норму представительства (1 депутат от 500 красноармейцев) (62).

Лишь около 260 из общего количества порядка 700 депутатов нового Совета избирались непосредственно на предприятиях, что заранее гарантировало большевикам значительное большинство в нем (63). Так что, заявляя в начале голосования: «Судьба большевистской власти в Петрограде зависит от результатов перевыборов... и если перевыборы не дадут желательных результатов, то, само собой разумеется, большевики уйдут от власти», — Зиновьев ничем не рисковал (64). Таким же лукавством выглядело и заявление руководителя избирательной кампании большевиков Володарского, сделанное им за несколько дней до гибели, о том, что сохранение большевистского большинства послужит своего рода мандатом на осуществление репрессий в отношении таких оппозиционных движений, как Собрание уполномоченных (65). Вместе с тем, большевистские лидеры реалистично оценивали неуспех партии на выборах непосредственно от предприятий как потенциально весьма опасное поражение.

В первый день перевыборов руководство ПК большевиков призвало рабочих голосовать только за кандидатов, стойко преданных Советской власти, ведущих беспощадную борьбу с врагами трудового народа и, при вынесении решений в новом Совете, готовых соблюдать *принцип подчинения меньшинства большинству* (66). ПК также назначил на вечер 17 июня заседание Собрания организаторов, на котором выступил Володарский — это оказалось его послед-

ним выступлением на партийном форуме — с разъяснением выборной стратегии большевиков. Резолюция, принятая по итогам его выступления, отразила не только серьезное отношение, которое партия придавала выборам на заводах и фабриках, но и проблему нехватки опытных кадров для ведения избирательной кампании. Так, резолюция одобрила образование — там, где это необходимо для победы над оппозицией — блоков с левыми эсерами, а также предложила отправить имеющихся в наличии немногочисленных опытных агитаторов курсировать по районам с целью охватить агитацией весь город (67).

Володарский полагал, что, ответственность за проведение избирательной кампании большевиков на низовом уровне лежит на комиссии по перевыборам при районных партийных комитетах, а также на сами партийные комитеты, и некоторые районные комитеты успели создать у себя подобные органы (68). Однако узкие временные рамки кампании и паралич большинства партийных комитетов помешали им сыграть в ней значительную роль. В результате основная тяжесть работы легла на плечи главных лидеров большевиков и левых эсеров. Вдобавок, по распоряжению Володарского и Зиновьева, которые сами принимали самое деятельное участие в кампании, из Кронштадта на подмогу были спешно вызваны «политически сознательные» матросы (69). С помощью массированной пропагандистской «блиц-атаки» адвокаты существующего режима попытались вновь завоевать поддержку масс, в значительной мере утраченную в предшествующие недели и месяцы, когда партийная работа на производстве практически замерла. Центральной темой их кампании, ежедневно муссируемой на страницах большевистских и левоэсеровских газет и на бесконечных собраниях и митингах, стало утверждение, что из всех соперничающих партий только большевики и левые эсеры последовательно отстаивали воплощение в жизнь революционных лозунгов. Соперники, меньшевики и эсеры, стремились вернуть капиталистов к власти и вскоре реставрировать ненавистный старый режим. Так же, как и в ходе большевистской кампании по выборам в Учредительное собрание, голосование за оппозицию приравнивалось к голосованию за контрреволюцию. Третьего было не дано (70).

Не только большевики и левые эсеры отнеслись к перевыборам серьезно. После недолгих раздумий то же самое сделали меньшеви-

ки и эсеры, однако их подход к избирательной кампании оказался полностью противоположным большевистскому. В то время как большевики стремились переключить внимание масс с текущих экономических трудностей на долговременные революционные задачи и подчеркивали, что требование оппозиции о новом созыве Учредительного собрания есть не что иное, как путь возврата к прежнему несправедливому порядку, меньшевики и эсеры попытались использовать беспокойство масс по поводу конкретных проблем (угроза голода, вероятность германской оккупации, распространение инфекционных заболеваний и занимающийся в стране пожар гражданской войны), чтобы продемонстрировать банкротство советского эксперимента и спасительную роль Учредительного собрания как единственного средства предотвращения тотальной катастрофы (71).

К 26 июня, когда Собрание уполномоченных постановило назначить на 2 июля всеобщую политическую стачку, перевыборы Петроградского Совета практически завершились. Процедура отбора, изобретенная большевиками, достигла цели, обеспечив их партии подавляющее большинство в Петроградском Совете (72). Но, хотя сегодня документы позволяют проследить, как технически это большинство было достигнуто, оценить результаты выборов с точки зрения политических настроений рабочих по-прежнему очень трудно. Судя по официальным данным, там, где выборы осуществлялись непосредственно от предприятий, успех большевиков был довольно скромным: 127 из 260 фабричных делегатов. Второе место заняли левые эсеры, получив примерно 75 мест. Большинство, набранное правящими партиями, составляло три к одному. Эсеры, меньшевики и беспартийные кандидаты имели успех на крупных предприятиях, таких как Путиловский, Обуховский, Патронный, Невский, Балтийский заводы и завод «Арсенал», в типографиях и среди женщин-работниц, многие из которых трудились на табачных и текстильных фабриках. Обусловленный, возможно, продовольственными трудностями и боязнью увольнений (73), результат этот свидетельствовал, что время, когда большевики имели крепкую поддержку в рядах работниц (как при выборах в Учредительное собрание), давно прошло. После выборов Конкордия Самойлова, возглавлявшая избирательную кампанию большевиков среди фабричных работниц, призналась, что это было ужасно, что женщины отказывались даже

выслушать большевиков (74). Тем не менее, анализируя результаты выборов, «Новая жизнь», хотя и отметила провалы большевиков и успехи меньшевиков и эсеров, а также использование метода запугивания избирателей, пришла к выводу, что «многие рабочие еще не изжили большевистского “коммунизма” и продолжают считать Советскую власть... представительницей своих интересов, с ней связывают свои судьбы и судьбы рабочего движения» (75).

Несомненно, так оно и было. Однако остается назойливый вопрос: сколько оппозиционных депутатов от предприятий не были избраны в Совет, уступив места большевикам, из-за ограничений печати, запугивания избирателей, нечестной процедуры голосования и просто слишком короткой избирательной кампании? В отдельных районах организацией выборов на предприятиях занимались избирательные комиссии при местных Советах, из которых представители оппозиции были исключены. Внутри самих предприятий выборы осуществлялись силами фабзавкомов, многие из которых не переизбрались с 1917 г. Фабзавкомы закрытых фабрик и заводов также имели право избирать и избирали депутатов в Совет (так называемые «мертвые души») — по одному депутату от каждого предприятия с численностью более тысячи рабочих на момент закрытия. Даже безработные получили право избирать своих представителей и нормы представительства, едва ли не равные нормам для действующих предприятий. Организацией предвыборных собраний безработных занимались профсоюзные избирательные комиссии, в которых преобладали большевики (76). 15 июня Володарский «великодушно» позволил возобновить выход некоторых оппозиционных газет, в том числе эсеровского «Дела народа» и меньшевистского «Луча». Но это случилось всего за пару дней до начала голосования. До того большая часть умеренной социалистической прессы была вынуждена молчать.

В канун решительного разрыва, произошедшего между большевиками и левыми эсерами в начале июля (77), левые эсеры откровенно признавали факт большевистских злоупотреблений во время этих выборов. На третьем съезде партии левых эсеров в Москве (28 июня — 1 июля) Спиридонова заявила, что из четырехсот большевистских депутатов в новом Совете триста имели незаконные мандаты. «Мы этого не оглашали, не боролись против этого, потому что

в Петрограде так сильна контрреволюция, так сильна оборонческая партия, что там победить большевиков значит... погубить всю Советскую власть и отдать Петроград в руки черной реакции. Пришлось замолчать этот факт, несмотря на то, что возмущение рабочих... было громадное» (78). К чему это, в итоге, нас приводит? Повидимому, самое меньшее, что мы можем теперь сказать, это то, что «победа» большевиков на июньских выборах в Петроградский Совет — даже на уровне предприятий, что было чревато самыми серьезными политическими последствиями — была сомнительной.

25 июня ПК большевиков предпринял меры к созданию и установлению контроля над своей партийной фракцией в новом Совете, которая должна была впервые собраться через два дня (79). Хотя эта попытка осуществления принципа подчинения советских фракций партийным комитетам провалилась, это была примечательная, потенциально создающая прецедент инициатива. Примерно в это же время были усилены попытки организовать большевистские фракции и организации, номинально ответственные перед местными партийными комитетами, и во всех районных Советах, а также в других городских учреждениях, в которых их до сих пор не было.

Одновременно был взят курс на оживление партийной работы среди женщин-работниц. После закрытия в конце января журнала «Работница» (80) связанные с ним ведущие петроградские большевички сосредоточились на общепартийной работе либо в ПК, либо в районных комитетах партии. Исключение составляла Александра Коллонтай, которая, как член Совнаркома, в середине марта уехала в Москву. В июне потребность партии в новых кадрах взамен покинувших Петроград, а также катастрофические для большевиков результаты выборов в Совет на «женских» предприятиях подтвердили необходимость усиления влияния партии в среде работниц. Вопрос об усилении партийной работы среди трудящихся женщин впервые был поднят и одобрен Петербургским комитетом накануне выборов. 14 июня ПК фактически обязал Самойлову организовать особую секцию агитации и пропаганды среди работающих женщин (81). 26 июня на заседании Собрания организаторов Самойлова выступила с докладом, в котором подчеркнула как важность, так и трудность ведения разъяснительной работы среди разгневанных женщин, озабоченных угрозой голода и возможной потерей работы.

Затем она предложила создать при ПК и районных комитетах партии специальные секции для ведения подобной работы среди женщин. Некоторые районные организаторы выступили с критикой подобных предложений — либо потому, что считали пропаганду среди «серых», «реакционных» работниц бесполезным занятием, либо потому, что были уже настолько перегружены работой, что создание еще одной секции казалось им, как выразился один из участников собрания, «сплошной иллюзией».

Евгения Егорова, организатор от Выборгского комитета большевиков и член ПК, хотя и разделяла взгляды Самойловой на важность партийной работы среди работниц, полагала, что инициатива в этом деле должна исходить «сверху», от женского отдела при ПК. В защиту предложения Самойловой выступила организатор от Нарвского райкома Анна Иткина, заявившая, что именно отсутствие низовой организационной базы было главной причиной слабости прежней партийной работы среди женщин. Собрание организаторов приняло решение создать секции партийной работы среди женщин *одновременно* на городском и районном уровне. Однако, несмотря на то, что все районные комитеты партии сформировали у себя подобные секции (82), добились они немногого — в основном, из-за непрекращающихся экономических трудностей, которые оказывали на женщин гораздо большее воздействие, а также из-за традиционно пренебрежительного отношения большевиков-мужчин к женщинам вообще и к партийной работе среди женщин-работниц, в частности. О проблеме половой дискриминации и ее негативном воздействии на партийную работу в этот период говорила впоследствии Самойлова, выступая в декабре 1918 г. на Восьмой городской конференции петроградских большевиков. В качестве иллюстрации она привела следующий пример: когда на одном из крупнейших петроградских заводов женщины избрали свою представительницу в заводской рабочий комитет, мужчины-рабочие отказались признать ее на том основании, что если, мол, давать отдельное представительство женщинам, то тогда нужно будет давать его и детям (83).

На заседании Собрания организаторов 26 июня Самойлова также подняла вопрос о возобновлении выхода «Работницы». Не сомневаясь в необходимости возрождения журнала, она, правда, была не вполне уверена в том, где он должен издаваться, в Петрограде

или в Москве, поскольку в столице для этого было больше возможностей. Егорова была настроена более решительно. Явно большая, чем Самойлова, противница феминизма, она однозначно заявила, что перемещение издания в Москву, где его содержание будет диктовать архифеминистка Коллонтай, совершенно «недопустимо!» (84). В результате отсутствия единодушия, было решено оставить окончательное решение этого вопроса за ПК (85). Рассмотрев вопрос о «Работнице» на двух заседаниях, 28 июня и 2 июля, Петербургский комитет согласился взять издание журнала на себя, как только в районах закончится формирование секций по партийной работе среди женщин. Самойлова, Николаева и Прасковья Кудели, составлявшие редколлегию «Работницы» в 1917 г., были назначены руководить возрожденной версией журнала (86). Однако позже, 19 июля, в рамках процесса слияния партийной и правительской печати (по причине финансовых и кадровых трудностей), это решение было пересмотрено. Было решено на время отказаться от издания самостоятельного журнала «Работница», предоставив, вместо этого, его редакции еженедельную полосу в «Красной газете» (87).

Первая из этих «страничек» «Работницы» в «Красной газете» увидела свет 4 августа, и ее редакторы с самого начала постарались дистанцироваться от любых проявлений сепаратизма или «коллонтаевского» феминизма. Так, во вступительной редакционной статье они с удовлетворением отметили, что совместная работа в одной газете позволит укрепить единство трудящихся мужчин и женщин в борьбе за великое дело освобождения всех рабочих от гнета капитализма. Подобно своей предшественнице, которая освещала жизнь работниц только под углом зрения общих задач рабочего класса, «Работница» в «Красной газете» рассматривала женщин-рабочих как один из отрядов великой армии труда (88). Конечно, таким значимым для женщин вопросам, как нехватка продовольствия и кровавая гражданская война, в полосе уделялось немалое место, но все-таки самой важной и последовательной темой для «Работницы», часто фигурирующей среди набранных жирным шрифтом лозунгов, была та, что призывала женщин не отставать от мужчин в решении общих задач.

* * *

Между тем, большевистские лидеры в переизбранном Петроградском Совете поспешили опереться на свой сомнительным образом полученный «мандат», чтобы расправиться с Собранием уполномоченных и пресечь намеченную им на 2 июля всеобщую стачку. Резолюция, объявившая Собрание уполномоченных контрреволюционной организацией, была одобрена на первом пленарном заседании нового Совета 27 июня (89), за несколько дней до окончания выборов. Все петроградские газеты были обязаны вынести это обвинение на первые полосы. Заводы и фабрики были предупреждены о том, что в случае участия во всеобщей забастовке они будут немедленно закрыты, а отдельным бастующим пригрозили штрафами и/или увольнениями. Агитаторы и члены забастовочных комитетов подлежали немедленному аресту, и впоследствии все эти предупреждения были выполнены (90).

Днем 30 июня исполком Петросовета собрал на экстренное совещание представителей районных Советов и районных комитетов большевиков и левых эсеров, чтобы выработать дополнительные антизабастовочные меры (91). Уже 1 июля подозреваемые в симпатиях к оппозиции типографии были опечатаны, в помещениях оппозиционных профсоюзов произведены обыски, на железной дороге в пределах петроградского узла объявлено военное положение, а в важнейших точках города поставлены на круглосуточное дежурство вооруженные патрули с полномочиями пресекать попытки забастовщиков остановить работу предприятий. Обратив внимание на все эти жесткие меры, корреспондент газеты «Новая жизнь» подметил, что «никогда, даже в пору самых суровых преследований большевиков при Керенском после июльского выступления, не была так стеснена свобода и воля рабочих, как при террористической опеке нынешнего рабоче-крестьянского правительства» (92). А Бюро Собрания уполномоченных, копнув еще глубже в историю, заявило в своем информационном листке, что «никакое правительство в Романовской России не принимало таких мер против забастовки, какие приняло Советское правительство» (93).

По крайней мере, отчасти из-за этих жестких мер на призыв Собрания уполномоченных о забастовке откликнулось очень небольшое количество предприятий. В воцарившейся после неудавшейся

забастовки атмосфере репрессий (усугубленной реакцией на «заговор» левых эсеров несколькими днями позже (94)) Собрание уполномоченных было обречено. Последнее заседание его Бюро состоялось 19 июля. Протокольные записи этого заседания, явно делавшиеся в спешке, показывают, что оно занималось исключительно вопросами, связанными с ликвидацией дел Бюро и расчетами с персоналом (95).

Дальнейшие события, имевшие отношение к Собранию уполномоченных, происходили в Москве и были связаны исключительно с организацией общероссийского Рабочего съезда. Задача этого съезда состояла в том, чтобы дать представителям рабочего класса страны возможность самим искать ответы на вопросы, волнующие Россию. На своих последних заседаниях Собрание уполномоченных, наряду с призывом к всеобщей забастовке, приняло решение созвать съезд рабочих промышленных центров, прежде всего, Северной и Центральной областей, с тем чтобы подготовить съезд общенациональный. Кроме того, сразу после заседания 26 июня Собрание направило двух своих ведущих представителей, Алексея Смирнова и Николая Борисенко, в Москву, чтобы помочь подготовить региональный съезд. Предварительное совещание по этому вопросу состоялось в Москве 28 июня. Присутствовавшие на нем делегаты от Петрограда, Москвы, Тулы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Сормова, Владимира, Коломны, Мальцевского района, Брянска и Твери постановили созвать съезд в Москве 20 июля и сформировали организационный комитет по его созыву (96).

Организационный комитет приступил к работе немедленно и подготовил повестку дня съезда, которая явно не учитывала твердого намерения Советского правительства удержать власть практически любой ценой. Предполагалось, что Рабочий съезд Центральной и Северной областей будет открыто обсуждать и принимать решения по самым серьезным и злободневным политическим и экономическим вопросам. Эти решения станут руководством к действию для последующего Всероссийского Рабочего съезда, который будет опираться на поддержку вновь обретшего единство рабочего класса. В повестке, однако, не нашел отражения тот факт, что распад Собрания уполномоченных в Петрограде и далекая от свободы политическая обстановка, сложившаяся в Москве и других промышленных центрах, с самого начала подрывали усилия организационного коми-

тета. Действительно, так мало делегатов смогли добраться до Москвы к 20 июля, что открытие съезда пришлось перенести на 22-ое. 21 июля число делегатов было по-прежнему настолько незначительно, что они, собравшись на частное совещание, были вынуждены договориться о снижении статуса предстоящего мероприятия и сокращении его повестки дня. Было решено, что если не произойдет внезапного скачка численности прибывающих делегатов, собрание будет называться «совещанием», а не «съездом» и даже не «конференцией». Соответственно, вместо выработки позиций по ключевым внутри- и внешнеполитическим и экономическим вопросам для всероссийского съезда рабочих делегатов, «совещание» ограничится заслушиванием докладов с мест и обсуждением вопросов, связанных с организацией и общими задачами общероссийского съезда (97).

Примерно тридцать пять участников этого «совещания» 22–23 июля едва успели начать выполнение своей урезанной повестки дня, как их дискуссии были прерваны ворвавшимися в зал красногвардейцами с винтовками наперевес (98). После грубого и бесцеремонного обыска всех делегатов арестовали и, погрузив в машины, отвезли в ЧК на допрос, а оттуда — в Таганскую тюрьму. Помимо рабочих представителей, среди задержанных оказались четыре видных деятеля социалистического движения, представлявшие на съезде свои партии: Рафаил Абрамович (меньшевики), Александр Бейлин (эсеры), Андрей Вецкалн (Латышская социал-демократическая рабочая партия) и Виктор Альтер (Бунд) (99).

Документы Рабочего съезда (совещания) Северной и Центральной областей, хотя и не отличаются полнотой, представляют значительный интерес, так как раскрывают особенности поведения государства и рабочего класса в условиях гражданской войны, безработицы, голода и болезней. Необходимость подготовки и созыва общероссийского Рабочего съезда на совещании не оспаривалась, а проблема отношения съезда к существующей Советской власти была едва упомянута (что существенно затруднило ВЧК процедуру выдвижения обвинений против арестованных участников). Единственный существенный вопрос, который вызвал споры, был вопрос о возможности создания единого общенационального мощного рабочего «союза» (или «партии»), свободного от влияния интеллигенции. Возникновение этого вопроса, как и самой идеи Рабочего съезда,

явилось, в какой-то мере, отражением того разочарования рабочих в существующих политических партиях, которое ранее способствовало созданию Собрания уполномоченных.

* * *

Первые признаки мощной вспышки холеры, о которой эпидемиологи предупреждали еще весной, появились 1 июля, когда внимание петроградских властей было сосредоточено на предотвращении намеченной на 2 июля всеобщей стачки. В тот день в городских больницах были зафиксированы сразу семь случаев подозрения на грозное заболевание. Эпидемия развивалась по типичной для холеры схеме: астрономическая скорость распространения вначале, затем недолгий пик, после которого число новых случаев заболевания начало неуклонно снижаться, но длился этот спад значительно более продолжительное время. В первую неделю (1–7 июля) число подтвержденных случаев холеры и подозрения на нее составило 456, из них 59 — со смертельным исходом. На второй неделе (8–14 июля) эпидемия достигла своего пика: 4247 случаев заболевания, из них 1264 — со смертельным исходом. В течение третьей недели эпидемии (15–21 июля) заболеваемость снизилась до 2304 случаев, из них 1044 — со смертельным исходом, а в течение четвертой (22–28 июля) эти показатели сократились еще на 50%: 1219 заболевших, из них 507 умерших. Численность заболевших и умерших в августе и сентябре, хотя и оставалась пугающей, продолжала неуклонно снижаться: в августе за весь месяц был зарегистрирован 2331 случай заболевания, в том числе 861 — со смертельным исходом, а в сентябре, соответственно, 1091 и 372 случая. Естественно, больше всего пострадали от эпидемии беднейшие районы и кварталы Петрограда, население которых (в основном неквалифицированные рабочие и безработные и их семьи), в силу нищеты и неграмотности, было наименее способно противостоять инфекции (100).

Общее число зарегистрированных случаев холеры в июле–сентябре составило 12047, из них 8223 — подтвержденных, 4305 — со смертельным исходом. Эта статистика не учитывает большое количество жертв заболевания, умерших вне стен больниц (дома

и на улице). Тем не менее, огромное число зарегистрированных случаев делает эту вспышку холеры крупнейшей в истории города. Она была в три раза крупнее эпидемии холеры в Петрограде (тогда — Петербурге) в 1892 г. и в полтора раза крупнее той, что свирепствовала в городе в 1902 г. (101). Доклад об эпидемии, представленный на заседании ПК большевиков 10 июля, в момент ее пика, свидетельствовал, что среди жертв необычайно большой процент составляют женщины — фабричные работницы (102).

На фоне жестокой классовой войны, которая велась в городе в уже описанный период, борьба за обуздание петроградской холерной эпидемии 1918 г. явилась своего рода коротким перемирием, во время которого традиционно враждующие в политическом отношении элементы населения объединились для совместной работы на общее благо. Быстрее всего на весть об эпидемии отреагировали большевистские и левоэсеровские представители отделов здравоохранения местных Советов, объединившихся в Междурайонное совещание. В течение всего времени эпидемии эти отделы и/или созданные районными Советами специальные тройки, при поддержке эпидемиологов, медицинских работников и фармацевтов, были на переднем крае борьбы с инфекцией на местном уровне, просвещая население и обучая его способам предохранения от заражения. Районными отделами здравоохранения были также созданы многочисленные станции холерной скорой помощи и центры вакцинации, которые действовали круглосуточно; кроме того, большое внимание они уделяли уничтожению источников инфекции (103). Областной Комиссариат здравоохранения сформировал чрезвычайную комиссию по борьбе с холерой, ставшую городским координационным центром противохолерных мероприятий.

На первом заседании 9 июля чрезвычайная комиссия, возглавляемая комиссаром здравоохранения большевиком Первухиным, разработала план создания в районах собственных медико-санитарных центров по борьбе с холерой (104). Однако, как показывают документы, многие из своих мероприятий на местном уровне чрезвычайная комиссия все же осуществляла через отделы здравоохранения районных Советов и тройки. Успешно сотрудничала, по-видимому, чрезвычайная комиссия и с центральным рабочим комитетом по борьбе с холерой, сформированным Петроградским Советом.

Хотя представители районных Советов вошли (не сразу) в состав чрезвычайной комиссии, где они работали бок о бок с ведущими городскими медицинскими специалистами, центральный рабочий комитет взял на себя функцию координации усилий по борьбе с холерой на районном уровне (105). Часто он служил каналом связи между чрезвычайной комиссией и районными Советами, а также рабочими организациями вообще. В борьбу с холерой оказался втянут даже ПК большевиков. В разгар эпидемии он распорядился прекратить уличную торговлю фруктами, ввести, как можно скорее, на фабриках и заводах систему экстренных профилактических мер для рабочих, мобилизовать рабочих на рытье могил под огромное количество скопившихся на городских кладбищах гробов (106). Рабочий протест, связанный с эпидемией, был минимальным и объяснимым. Перегруженные сверх меры могильщики Успенского кладбища потребовали увеличения своего мизерного хлебного пайка. С таким же требованием выступили работники городского водопроводного хозяйства, особенно истопники, среди которых процент смертности от холеры был необычайно высок (они настаивали на необходимости выдачи им дополнительного пайка, равного тому, что получали медицинские работники, чьи обязанности были сопряжены с высоким риском). Рассмотренные и одобренные чрезвычайной комиссией, эти требования затем были, вероятно, удовлетворены (107).

* * *

В течение первой половины 1918 г. политические, экономические и социальные проблемы в Петрограде чрезвычайно обострились. Поначалу СК ПТК, предоставленный Совнаркомом в Москве самому себе, пытался справиться с этими проблемами, не прибегая к крайним мерам, однако безуспешно. Быстрый рост Собрания уполномоченных явился отчасти отражением этого неуспеха. Даже сегодня, когда объемные архивные дела, связанные с деятельностью Собрания уполномоченных, доступны для изучения, невозможно с точностью оценить количественный состав этого движения. Однако, судя по этим документам, несомненно, что весной 1918 г. за Собранием уполномоченных шло значительное число рабочих, представ-

лявших широкий срез петроградских промышленных предприятий. Очевидно также, что в середине марта, когда Собрание пыталось что-то изменить, действуя через существующую политическую систему, поддержка рабочих была обусловлена в основном насущными вопросами: нехваткой продовольствия, безработицей, бессистемной эвакуацией и т. д., — вкупе с нежеланием или неспособностью существовавших рабочих организаций и органов самоуправления реагировать на них. Однако в середине мая, когда все эти проблемы обострились, цели Собрания уполномоченных и идущих за ним масс стали более откровенно политическими и антисоветскими (108).

В ответ на это районные Советы Петрограда предприняли попытку восстановить свои связи с массами и поддержку среди рабочих с помощью собственных беспартийных рабочих конференций. Несмотря на преобладание в них большевиков и левых эсеров, эти конференции, как и заседания Собрания уполномоченных, стали показателем растущего отчаяния петроградских рабочих, не способных более терпеть тяжесть продовольственного кризиса и катастрофической безработицы. Между тем, Брестский договор не снял ни угрозу захвата русского Балтийского флота немцами, что стало причиной опасного «Ледового похода» русских кораблей под руководством Алексея Щастного из Гельсингфорса в Кронштадт, ни угрозы оккупации Петрограда, символом которой стала новая военная тревога, охватившая город в дни, когда решалась судьба форта Ино.

Но не столько это, сколько непрекращающиеся запросы из Москвы подрывали силу петроградской большевистской организации, лишая ее и без того поредевших ценных кадров, сводя на нет все попытки укрепления партии с целью возобновления ее политической активности на производстве и перехода — после преодоления разногласий по поводу существа партийной работы — на руководящие позиции в петроградском руководстве. Среди событий, отражающих глубокий кризис Советской власти в Петрограде в этот период, были неудачное совместное выступление моряков Минной дивизии и рабочих Обуховского завода, вынужденные манипуляции, к которым прибегли большевики на июньских перевыборах Петроградского Совета, чтобы обеспечить себе победу (независимо от легитимности голосования на предприятиях), и жестокое подавление всеобщей забастовки, объявленной Собранием уполномоченных.

В начале 1917 г. население Петрограда, по самым консервативным оценкам, составляло примерно 2,3 млн. чел. Городская перепись — первая после 1910 г. — завершенная в начале июня 1918 г., показала, что эта цифра сократилась почти на миллион и не превышала 1,5 млн. чел. (109). Только за вторую половину мая и первую половину июня примерно 150 тыс. жителей покинули бывшую столицу. Большой процент от этого числа составляли рабочие, бежавшие в деревню от голода (110). Еще более усугубившаяся ситуация с продовольствием, растущая угроза «красного террора» и беспрецедентная эпидемия холеры в середине лета усилили этот массовый исход. Неудивительно, что в августе Стасова в письме Новгородцевой в Москву жаловалась: «Питер пуст, жалко на него смотреть» (111).

Опорой большевикам в борьбе с этими многочисленными трудностями служило сотрудничество с левыми эсерами. О первостепенной важности большевистско-левоэсеровского союза для выживания Советской власти в Петроградском регионе весной и в начале лета 1918 г. говорит история так называемой Северной коммуны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 The National Archives of the UK (TNA) Public Records Office (PRO) FO 371/3315/34853

2 Ibid

3 TNA· PRO ADM 137/1731/82

4 См Рабинович А Досье Щастного Троцкого и дело героя Балтийского флота //Отечественная история 2001 №1 С 61–81 Сокращенный англоязычный вариант этой статьи см Alexander Rabinowitch The Shchastny File Trotsky and the Case of the Hero of the Baltic Fleet //The Russian Review 1999 Vol 58 No 4 P 37–47

5 Советско-германские отношения От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора Т 1 — М , 1968 С.368

6 АУ ФСБ СПб и ЛО №3614 Л 50, Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918) / Под ред А Л Фраймана — Л , 1968 С.51, 126, 131

7 Красная армия и флот 1918 9 апреля С 2, Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне / Под ред А К Дрезсна — Л , 1932 С 81

8 F N A Cromie Letters [on Russian Affairs] from Captain Cromie RN — N p , 1919 Р 118–189

9 РГА ВМФ Ф р-92 Оп 1 Д 135 Л 27–30, Стасевич П Ледовый поход Балтийского флота //Октябрьский шквал Моряки Балтийского флота в 1917 году — Л., 1927 С 129–144. Муранов А И и Звягинцев В Е Досье на маршала Из истории закрытых судебных процессов — М , 1996 С 14–78

- 10 Предложенис Щастного перевести суда в Ладожскос озро было одобрено Троцким 22 апреля — АУ ФСБ СПб и ЛО №3614 Л 55
- 11 РГА ВМФ Ф р-52 Оп 5 Д 1 Л 44 О кризисе, связанном с фортом Ино, см. Рунаков А И, Чистиков А Н Советско-финляндская граница, 1918–1938 — СПб., 2000 С 13–14
- 12 ЦГА СПб Ф 144 Оп.1 Д 1 Л 30–32 О дескрете ВЦИКа см Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва — М., 1920 С 10–13, 169–193
- 13 ЦГА СПб Ф 144 Оп 1 Д 1 Л 41. См также ГАРФ Ф 130 Оп 1 Д 342 Л 25
- 14 ЦГА СПб Ф 47 Оп 1 Д 42 Л 93; Ф 9618 Оп 1 Д 240 Л 99, Ф 1000 Оп 79 Д 12 Л 48–48об, РГА ВМФ Ф р-661 Оп 1 Д 138 Л 23, Ф р-52 Оп 1 Д 4 Л 1, Ф р-852 Оп.1 Д 25 Л 32
- 15 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 815 Л 108–134
- 16 Петроградская правда 1918 26 апреля С 1
- 17 Об интервенции союзников см ниже, глава 12
- 18 Известия ЦК КПСС 1989 №4 С 141–142, 155, прим 1, Ленин В И Полн собр соч Т 36 С 315. 607, прим 122
- 19 См., напр., Новые ведомости 1918 9 мая Вся первая страница этого номера была посвящена германским требованиям и приближающейся оккупации Петрограда и Москвы
- 20 Тщательно изучив образцы подобных «германских писем», покойный Джордж Кеннан пришел к выводу, что они являются подделкой См George F Kennan The Sisson Documents //Journal of Modern History. 1956 Vol 28 No 2 P 130–154
- 21 Новые ведомости 1918 10 мая С 3
- 22 TNA PRO ADM 137/1731 P 53–54, 59–60
- 23 Ibid P 51, 77, ADM 137/1773 P 7, FO 371/3329/86376
- 24 Letters [on Russian Affairs] from Captain Cromie RN P 136
- 25 См. выше
- 26 Подробный протокол совещания см АУ ФСБ СПб и ЛО №3614 Л 286–300
- 27 Так, например, Троцкий был единственным свидетелем, допущенным давать показания на «процессе» Щастного — возможно, первом советском «показательном процессе». В 1995 г все обвинения с Щастного были сняты, и он был официально реабилитирован — РГА ВМФ Ф р-2244 Оп 1 Д 14 Л 1
- 28 ЦГАИПД Ф.1 Оп 1 Д.109 Л 13 См также Ф 1817 Оп 1 Д 24 Л 15
- 29 РГА ВМФ Ф р-96 Оп 1 Д 72 Л 6
- 30 В состав дивизии входило около 25 судов, из них 17 эсминцев. В период между 14 и 16 мая Минная дивизия, предназначенная для переброски в Ладожское озеро, продержавшись через Неву, встала на якорь напротив Обуховского завода в юго-западном Невском районе Петрограда
- 31 АУ ФСБ СПб и ЛО №Н-3614 Л 170
- 32 Там же Л 21 См также РГА ВМФ Ф. р-96 Оп 1 Д 72 Л 27–29
- 33 На самом деле приказ об уничтожении форта Ино отдал, на свой страх и риск, комендант Кронштадта Константин Артамонов, действовавший из опасения, что форт может вот-вот оказаться в руках финнов или немцев, и тогда дальнобойные пушки Ино превратятся в угрозу для Кронштадта и самых ценных судов Балтийского флота — РГА ВМФ Ф р-52 Оп 1 Д 1а Л 3–6
- 34 Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне С 121
- 35 РГА ВМФ Ф р-5 Оп 1 Д 93 Л 117–118
- 36 ЦГА СПб. Ф 9672 Оп 1 Д 200 Л 20
- 37 Там же Л 19

- 38 О происшествии в Колпино см предыдущую главу
- 39 *Шкаровский М* Бесскровный мятеж С 3 [Несопубликованная рукопись]
- 40 РГА ВМФ Ф р-342 Оп 1 Д 111 Л 19
- 41 ЦГА СПб Ф 9672 Оп 1 Д 246 Л 29
- 42 Там же Л 30–31, *Шкаровский* Указ соч С 8–9
- 43 О Володарском, сго убийстве и политическом значении этого убийства см ниже, глава 11
44. См., напр., ЦА ФСБ № Н-199 Л 112, 118, 125
- 45 Наш век 1918 26 июня С 3
- 46 ЦГА СПб. Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 235
- 47 См ниже, глава 12.
- 48 Наш век 1918 26 июня С 3
- 49 *Шошков Е Н* Наморси А М Щастный — СПб, 2001 С 299
- 50 Новая жизнь 1918 22 июня С 1
- 51 РГА ВМФ Ф р-342 Оп 1 Д 115 Л 16
- 52 ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 116 Л.1, 6–13, День великой революции 1921 7 ноября
- 53 ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 116 Л 18, Петроградская правда 1918 14 июня С 4,
- Красная газета 1918 18 июня С 4
- 54 Показателем этого растущего давления снизу может служить резолюция, принятая 28 мая на массовом митинге рабочих Путиловского завода, собравшихся, главным образом, для обсуждения проблемы продовольственного кризиса. Резолюция потребовала отозвать представителей завода из Петросовета и немедленно произвести выборы новых делегатов (ЦГА СПб Ф 1788 Оп 23 Д 5а Л 4). Эта инициатива рабочих крупнейшего петроградского завода породила опасение, что бесконтрольное первоначальное движение, основанное на недовольстве рабочих продовольственной политикой Совета, может быстро перекинуться и на другие предприятия
- 55 Северная коммуна 1918 13 июня С 1
- 56 См ниже, глава 10
- 57 Северная коммуна 1918 16 июня С 2–3
- 58 Избирательная норма для беспартийной рабочей конференции составляла 1 депутат на 1000 рабочих и красноармейцев, в ней представленных. Кроме того, каждый районный Совет, независимо от размера мог избрать трех депутатов — Северная коммуна 1918 18 июня С 1
- 59 Красная газета 1918 16 июня С 3
- 60 Вестник Совета 1-го городского района 1918 4 июля № 16–17 С 8–9
- 61 ЦГА СПб Ф 100 Оп 1 Д 10 Л 22, Народное дело 1918 27 июня С 2
- 62 Северная коммуна 1918 18 июня С 1
- 63 Там же 5 июля С 3
- 64 Газета-копейка. 1918 19 июня С 3
- 65 Там же. 16 июня. С 2, Петроградская правда 1918 16 июня С 2
- 66 Петроградская правда 1918. 18 июня С 1
- 67 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 25
- 68 Так было, к примеру, в Охтинском и Выборгском районах — ЦГАИПД Ф 10 Оп 1 Д 12 Л 23 и Ф 2 Оп 1 Д 4 Л 6
- 69 РГА ВМФ Ф р-661 Оп 1 Д 1 Л 30
- 70 См выше, глава 2. Передовицы главных большевистских газет, «Петроградская правда» и «Красная газета», газеты Петросовета «Северная коммуна» и левоэсеровского «Знамени борьбы» в ходе избирательной кампании были полны подобной аргументации
- 71 Новая жизнь 1918 18 июня С 2

72 Опубликованные в прессе, окончательные результаты выборов выглядели следующим образом: большевики и сочувствующие — 474 депутата, левые эсеры и сочувствующие — 87, правые эсеры и сочувствующие — 44, меньшевики и сочувствующие — 35, другие партии — 2, беспартийные — 35 (Северная коммуна 1918 6 июля С 3)

73 К тому времени многих женщин-работниц сменили и продолжали менять возраставшие на прежние места работы демобилизованные мужчины. Кроме того, женщины, трудившиеся на текстильных фабриках, находились под угрозой безработицы из-за прекращения подвоза хлопка из Туркестана

74 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 66 Л 28–29

75 Новая жизнь 1918 2 июля С 1

76 Северная коммуна 1918 18 июня С 1

77 См. ниже, глава 10 и 11

78 РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 4 Л 201

79 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 166–174, 183–184

80 См. выше, глава 1, прим. 98

81 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 66 Л 30

82 Там же Л 30–33, Ф 2 Оп 3 Д 4 Л 8–8об. В июле секции партийной работы среди женщин были созданы в Петербургском, Василостровском и Выборгском комитетах партии (ЦГАИПД Ф 6 Оп 6 Д 6 Л 67, Ф 4 Оп 1 Д 1 Л 16, Ф 2 Оп 1 Д 4 Л 7–8об и Д 1 Л 6), а в начале августа — во Втором городском и Нарвском комитетах (Ф 1817 Оп 1 Д 24 Л 26–26об, Красная газета 1918 7 августа С 3). 31 августа ПК объявил о завершении их создания — Красная газета 1918 1 сентября С 3

83 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 75 Л 144–145

84 Там же Д 66 Л 33

85 Там же Л 29–33

86 Там же Д 64 Л 24, 26об

87 Там же Л 32–32об.

88 Красная газета 1918 4 августа С 3

89 Красная газета 1918 28 июня (вечерний выпуск) С 3

90 Многочисленные документальные свидетельства о репрессиях в отношении относительно небольшого числа предприятий и отдельных лиц, принявших участие в забастовке, имеются в петербургских архивах. Например, когда забастовали руководство, сотрудники и рабочие сохранившейся и после переезда в Москву значительные мощности Экспедиции заготовления государственных бумаг, шестнадцать руководящих работников ее были немедленно уволены с утратой пенсионного пособия и казенного жилья. Рабочие, участвовавшие в забастовке, были оштрафованы — ЦГАИПД Ф 1949 Оп 1 Д 11 Л 70–71, Д 7 Л 4, ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 257

91 Новая жизнь 1918 30 июня С 1

92 Там же 2 июля С 1

93 ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 17 Л 34, 35

94 См. ниже, глава 11

95 ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 12 Л 33–33об

96 Там же Д 4 Л 3–4

97 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 126 Л 87–87об

98 Мое краткое изложение истории «совещания» основано на огрызочных заметках одного из участников, обстоятельном описании, содержащемся в письме Алексея Смирнова, которое он отправил петроградским товарищам сразу после события, а также показаниях арестованных в ВЧК — ЦГА СПб Ф 3390 Оп 1 Д 4 Л 5–18, ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 126 Т 1 Л 114–119, 135–174, Т 2 Л 16, 18, 58, 76, 83, 90, 104, 123

- 99 О процессе против задержанных см ниже, глава 12
- 100 *Федоров И Г* Эпидемия холеры в Петрограде в 1918 г //Известия комиссариата здравоохранения союза коммун Северной области 1918 №1 С 82–88
- 101 Там же С 84–85
- 102 ЦГАИПД. Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 160–162
- 103 В этом отношении особенно полно освещена деятельность Выборгского районного Совета (см ЦГА СПб Ф 148 Оп 1 Д 43 Л 76об — 77об, Д 51 Л 143, 145 об), а также Первого городского районного Совета (см Вестник Совета 1-го городского района 1918 17 июля С 2, 20 июля С 5, 27 июля С 5–6, 7 ноября С 7–8) Репрезентативная коллекция печатных материалов, изданных районными Советами в период эпидемии (плакаты, листовки, брошюры, объявления о лекциях и т п), сохранилась в архивном деле комиссариата здравоохранения СК СО — ЦГА СПб Ф 2815 Оп 1 Д 342
104. Протоколы заседаний комиссии см ЦГА СПб Ф 2815 Оп 1 Д 337 и 338
- 105 Известия комиссариата здравоохранения союза коммун Северной области 1918 №1 С 14
- 106 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 109 Л 15
- 107 ЦГА СПб Ф 2815 Оп 1 Д 344 Л 78, Д 388 Л 24об, Д 337 Л 26
- 108 По поводу разногласий исследователей в оценках источников и размеров недовольства петроградских рабочих и степени их поддержки Собрания уполномоченных весной 1918 г см *William G Rosenberg Russian Labor and Bolshevik Power after October //Slavic Review Vol.44 No 2 (1985) P. 227-238, Moshe Lewin More than One Piece of the Puzzle is Missing //Slavic Review Vol 44 No 2 (1985)*
- 109 Наш век 1918 10 июля С 4, Материалы по статистике Петрограда Вып 2 — Пг, 1920 С 113
- 110 Новые ведомости 1918 17 июня С 4
- 111 РГАСПИ Ф 17 Оп 4 Д 10 Л 38